

Глава 7

— Сяо Лу, готовься, скоро начинаем съёмку!

Время летело незаметно. Когда Лу Циньянь в сто первый раз повторил про себя последнюю строчку сценария, он наконец услышал долгожданный призыв режиссёра Фаня.

— Иду, режиссёр! — тут же отозвался Лу Циньянь, но внезапно замер.

А к чему именно он должен готовиться?

По логике вещей, перед началом съёмок нужно наложить грим и подобрать образ, затем актёры должны отрепетировать сцену, и только после этого начинается официальный процесс.

Так, значит...

Лу Циньянь опустил взгляд на свою одежду, и его осенило.

Мало того что он был без грима, так ещё и до сих пор щеголял в своей белой толстовке, которая ну никак не вписывалась в атмосферу фильма.

Вообще-то, у прежнего владельца тела был полный набор люксовой косметики. Даже без помощи профессионалов он умел накраситься безупречно. Взять хотя бы его ночные стримы в женских образах: он сам выбирал платья и парики, сам накладывал макияж — то роковой, то невинный.

Но нынешний Лу Циньянь — совсем другое дело. Он в жизни не притрагивался к косметике.

На мгновение он растерялся, но, взяв себя в руки, направился в гримёрку, чтобы отдать себя на милость местных мастеров.

В штате было несколько гримёров, но за Лу Циньяня и Вэнь Цзюэ отвечала девушка по имени Сяо Юй. По счастливой случайности в комнате оказалась только она. Циньянь в нерешительности подошёл к её столику и сел в кресло.

Заметив его, Сяо Юй лишь дежурно вежливо кивнула: «Здравствуйте, учитель Лу», — и тут же принялась за работу. Следом подоспела и глава костюмерного цеха с его нарядом.

Раньше студия всегда готовила одежду для Лу Циньяня, но тот неизменно являлся в своём, категорически отказываясь надевать костюмы. В итоге костюмеры просто махнули на него рукой.

Однако сегодняшний образ был чересчур повседневным. Он выглядел не как величественный инспектор, а как весёлый соседский паренёк. Так что переодеться пришлось — и на этот раз без обсуждений.

К немалому удивлению костюмеров, сегодня «учитель Лу» оказался на редкость стоворчивым. Сказали переодеться — переоделся, без малейшего сопротивления. Смирный, прямо сам на себя не похож. Все переглядывались в изумлении, но помалкивали.

Завершив приготовления, Лу Циньянь замер перед ростовым зеркалом. Убедившись, что всё в порядке, он не забыл поблагодарить сотрудников обоих отделов.

Гримёрша и костюмерша обменялись взглядами. Обе чувствовали: сегодняшний Лу Циньянь разительно отличается от прежнего. Он стал... мягче, что ли? И даже в каком-то смысле милее.

Странно было применять слово «милый» к такому человеку, как Лу Циньянь, но обе поймали себя именно на этой мысли и невольно улыбнулись. Глядя на такого актёра, они и сами зарядились хорошим настроением.

Сегодня предстояло снимать сцену, где его герой, Линь Еци, вместе с Чу Фанем, которого играл Вэнь Цзюэ, отправляется в дом погибшего.

«Ничего себе, — подумал Лу Циньянь, чувствуя, как потеют ладони, — сразу такая сцена». Делать было нечего — придётся играть.

Как он и предполагал, перед мотором устроили прогон. Лу Циньянь понимал, что ему до мастерства Вэнь Цзюэ как до Луны, так что снять всё с первого дубля без единой помарки было из области фантастики.

— Вэнь Цзюэ, подойди.

— Иду.

Режиссёр Фань начал объяснять нюансы. Циньянь слушал, затаив дыхание, и старательно запоминал каждое слово.

Пока он прокручивал в голове наставления режиссёра, за спиной раздался голос Вэнь Цзюэ. Тот прошёл мимо и встал рядом с Фанем.

Проходя, Вэнь Цзюэ мельком взглянул на него — всё тот же холодный взгляд. Лу Циньянь, не дождавшись ни капли тепла, в ответ мысленно закатил глаза и снова погрузился в раздумья над ролью. Сейчас работа была важнее любых обид.

— Так, всем по местам! Камера... Мотор!

После репетиции режиссёр Фань скомандовал начало съёмок.

В официальном дубле Лу Циньянь держался куда увереннее, чем на прогоне. Его скованность почти исчезла. И первым это почувствовал не режиссёр, наблюдавший за монитором, а его партнёр — Вэнь Цзюэ.

В отличие от Фаня, который не скрывал своих эмоций, Вэнь Цзюэ оставался в образе. Даже если в душе у него шевельнулось удивление, он оставался бесстрастным.

Его Чу Фань — человек крайне закрытый и холодный. Высокомерный ко всем, он позволял себе улыбку лишь при виде Линь Еци.

Сам же Линь Еци, несмотря на свой острый ум детектива, в обычной жизни был сущим недотёпой. Чу Фань часто называл его «глупцом, неспособным позаботиться о себе», и он, хоть и пытался спорить, втайне признавал его правоту.

Поэтому каждый раз, когда Чу Фань ворчал: «Ты, бестолочь, хоть когда-нибудь перестанешь заставлять меня волноваться?», Линь Еци лишь виновато и глуповато улыбался. Глядя на эту простодушную физиономию, Чу Фань всякий раз порывался взъерошить его мягкие чёрные волосы.

И он действительно это делал.

Листая сценарий, Лу Циньянь заметил, что подобных сцен с поглаживанием по голове было уже две, и впереди их ждало не меньше. Это его изрядно напрягало. Когда тебя по макушке гладит другой взрослый мужчина... Ощущение, мягко говоря, странное.

— Стоп! Снято!

Привычный окрик из рупора прервал тишину.

Первым делом Лу Циньянь взглянул на Вэнь Цзюэ. Он пытался прочесть в его глазах хоть какую-то оценку своей игры, но тот был холоден как лед.

«Ну и ладно», — подумал Циньянь и перевёл взгляд на режиссёра.

Тот выглядел куда более довольным и поманил актёров к себе.

Лу Циньянь двинулся было вперёд, но Вэнь Цзюэ обогнал его, даже не обернувшись. «Больно

надо», — фыркнул про себя Циньянь.

Когда они подошли, режиссёр Фань по-свойски положил руку на плечо Циньяня и подтянул его к монитору.

— Сяо Лу, глянь-ка внимательно на этот дубль.

Вэнь Цзюэ покосился на руку режиссёра, лежащую на плече парня, но промолчал. Его взгляд, глубокий и тёмный, напоминал штиль на море — ни единой искры эмоций.

Видеть самого себя на экране было... странно. Не просто странно — жутковато. Лу Циньянь, будучи полным профаном в актёрстве, ожидал увидеть нечто ужасающее, но, к его облегчению, несколько минут просмотра не вызвали у него желания немедленно провалиться сквозь землю от стыда.

«Жить можно. По крайней мере, глаза не кровоточат», — выдохнул он.

Когда просмотр закончился, над площадкой повисла тишина. Никто не решался заговорить первым. В наступившем молчании Лу Циньянь по привычке закусил губу.

Когда он нервничал, на его щеке проступала крохотная ямочка — результат того, что он слишком сильно напрягал мышцы лица.

— Ну что, Сяо Лу, как тебе твоя игра? — внезапно спросил Фань прямо ему в ухо.

Циньянь вздрогнул, но постарался сделать это незаметно.

— Думаю... не очень. Есть над чем работать, — ответил он, осторожно подбирая слова. В конце концов, это был самый безопасный ответ.

Режиссёр и Вэнь Цзюэ снова замолчали. Впрочем, последний и так не проронил ни слова.

Атмосфера вновь стала натянутой.

Лу Циньянь, когда волновался, любил что-нибудь теревить в руках. Сейчас под рукой был только сценарий, который он тут же принялся нещадно мучить: скатал в трубочку, заломил уголки сразу нескольких страниц. Новенький, с иголки сценарий за один день превратился в нечто пожёванное и жалкое.

«Неужели я ответил слишком просто?» — засомневался он.

— Скромничаешь, Сяо Лу, — наконец произнёс Фань.

Лу Циньянь почувствовал, как камень, давивший на сердце, начал медленно сползать. Режиссёр улыбнулся и переглянулся с Вэнь Цзюэ.

— На самом деле, — продолжил Фань, и в его глазах заплясали весёлые искорки, — я считаю, что сегодня ты выдал лучшую сцену за весь этот месяц. Прогресс просто колоссальный. Видно, что ты стараешься, и это меня очень радует. Не сбавляй обороты, я на тебя возлагаю большие надежды, не подведи, ладно?

Так, значит, его всё это время собирались похвалить?

Последние крупницы тревоги растаяли. Лу Циньянь расплылся в широкой улыбке.

— Спасибо, режиссёр! Я всё понял. Спасибо за доверие, я буду и дальше зубрить сценарий и работать над собой!

Он энергично закивал, а в его глазах вспыхнул огонёк решимости.

Фань довольно рассмеялся, искренне полагая, что это его бесконечные нотации за последний месяц наконец-то подействовали на самовлюблённого юнца.

Свет в глазах Циньяня был чистым и искренним. Он шёл из самой глубины души.

Этот свет заметил и Вэнь Цзюэ.

На мгновение он недоуменно нахмурился, но тут же взял себя в руки и вновь стал бесстрастным.

Как опытный актёр, он легко мог отличить фальшь от искренности. К тому же, при таланте Циньяня, который раньше был ниже нуля, играть так убедительно было бы невозможно.

Эмоции были настоящими: и эта решимость, и эта чистая, почти детская улыбка.

Он был уверен в этом, но совершенно не понимал — почему. Вэнь Цзюэ знал наверняка: такие чувства и выражения лиц совершенно не вяжутся с тем Лу Циньянем, которого он знал.

Впрочем, если подумать... с тех пор как тот «переутомился» вчера вечером, он стал совсем другим.

Раньше он весь состоял из острых углов и высокомерия, а теперь стал каким-то... мягким. Даже

немного глуповатым. И, пожалуй, милым.

При этой мысли Вэнь Цзюэ внутренне усмехнулся. Он мгновенно выкинул этот бред из головы, и в его взгляде снова проступило привычное презрение.

Смешно. Называть «милым» такого человека, как Лу Циньянь — значит оскорбить само это слово.

<http://bllate.org/book/17547/1709037>